

Sevastopol Sea Training

12 сентября

Сегодня тихо. Океанографическое судно «Челекен» покачивается на волне. Солнечно, хотя и прохладно. Обрывистый берег из красной глины милях в двух с половиной от нас. Влево, если смотреть на берег, раскинулся на холмах и берегах бухт белый город Севастополь, гордость русского духа и оружия. Вправо – Кача, военный аэродром, легендарная колыбель советских военных летчиков. Море зеленовато-лазурного цвета. Волна сегодня не-большая, балла полтора.

Вот и дошагали мы до морских тренировок! Вспоминаю, что говорил полковник Виктор Рень:

– Четыре пятых поверхности планеты занимают моря и океаны. Если, не дай Бог, случится срочный спуск с орбиты, космонавты запросто могут оказаться где-нибудь в Индийском океане. Тогда помощи жди не ранее, чем через трое суток. Вот для этого мы и учим вас, как выжить в море. И учти, тренировка эта будет не из легких...

Мои товарищи Борисенко, Серов, Рязанский, Самокутяев, Иванишин, Шкаплеров прибыли в Севастополь 8 сентября.

Море встретило ребят ненастьем. Шторм до 5–6 баллов, порывистый ветер, дождь и холод. Они ехали без теплой одежды, в расчете на бархатный сезон, на солнышко и теплую морскую волну, а вынуждены были выживать.

Выживание началось с гостиницы. Собственно, это не гостиница, а военный плавучий госпиталь «Енисей», построенный в Польше в восьмидесятые годы прошлого столетия. Прибывшая из Звездного городка команда общей численностью 30–35 человек поселилась по трое-четыре в каютах шестой палубы. В каютах – умывальник, стол, диван и два крошечных шкафчика для одежды. В коридоре – туалеты, душ и гладильная комната. Корабль большой, со своей

Задача морских тренировок – научить космонавта выживать и при посадке на воду. В том числе, если ситуация заставляет покинуть спускаемый аппарат

Плавучий госпиталь «Енисей» стал гостиницей для космонавтов

вертолетной площадкой, кают-компаниями и небольшим спортзалом. Нижние палубы используются в качестве госпиталя, верхние – в качестве гостиницы. Кормят здесь сносно, а кое-кому из парней удалось познакомиться с девушками из разряда отдыхающих, остановившимися на «белом лайнере». Это совершенно примирило их с морским бытом.

«Енисей» стоит перпендикулярно причалу, среди тесного строя военных кораблей и катеров. Здесь идет флотская жизнь. В восемь утра подни-

мают флаг (по воскресеньям – в девять). С других кораблей доносятся звуки команд и хорового приветствия, звуки ремонта и гудки. По бухте бегают маленькие суденышки. Ночью зажигаются звезды, которые здесь, в Севастополе, ярче, чем в средней полосе России и в Байконуре. Сейчас, в сентябре, отлично видны созвездия Ориона, Большого и Малого Пса, Близнецов, Большой Медведицы, Кассиопеи. Звезды отражаются в темной воде, дрожат в ней вместе с длинными полосами света, изливаемого береговыми фонарями.

В составе команды здесь инструктора, врачи, водолазы, специалисты из РКК «Энергия», летчики. Цпковский борт Ил-76 доставил пять с половиной тонн оборудования, в составе которого спускаемый аппарат, легководолазное снаряжение, надувные лодки и лодочные моторы, скафандры и гидрокостюмы, блоки НАЗа.

Были трудности с украинской таможней, которая вдруг заартачилась и отказалась пропускать весь этот груз. Заместителю начальника третьего управления ЦПК Виктору Реню и Игорю Рудяеву из внешнеэкономического отдела Центра пришлось срочно лететь в Киев. В сжатые сроки они пробили решение Правительства Украины! Как сказал Рудяев, помощь была везде – в правительстве и на уровне таможни. При этом многие, с кем они

взаимодействовали, были молодыми людьми, выросшими уже при новом режиме и не прошедшими советской школы. Тем не менее, на уровне этих людей, взаимопонимание между украинцами и россиянами было полным.

У команды из Звездного подъем в семь утра. В восемь завтрак. В восемь тридцать выход на катер, идущий к «Челекену». На пристани мы встречаем американцев, которые живут в гостинице «Крым». По деревянному трапу ступаем на катер. Нас подозрительно осматривает корабельный пес.

– На каждом корабле теперь стоит будка и живет собака, – смеется судовой врач «Челекена» Николай Михайлович. – Вы с ним поосторожнее. Если резко подойти, может и цапнуть.

Катер ходко движется по бухте. Справа на горе отремонтированные здания под красной крышей.

– Это филиал Московского государственного университета, объясняет Николай Михайлович. – Раньше здесь были казармы, в которых жил плавсостав подводных лодок. Видите справа старое здание? Оно тоже относилось к казармам. А ремонт сделал Лужков, за что ему низкий поклон.

Мы проходим мимо военного госпиталя, которому более двухсот лет. Здесь во время Первой севастопольской войны наш великий Пирогов впервые выполнил операцию под наркозом... Кстати, в начале сентября нынешнего года в городе прошло широкое празднование 150-летия войны 1854–1856 гг. Приезжали делегации из Турции, Франции и Англии. Французы и англичане установили обелиски в память солдат союзной армии, нападавшей на русские позиции. Меня поразили цифры потерь: в русской армии они составили около семисот тысяч человек, а у союзников – четыреста тысяч. Время примирило бывших врагов.

...Справа виден треугольный мыс с возвышающимся над ним памятником.

Спускаемый аппарат доставили по воздуху в Крым для морских тренировок

Старое военное кладбище, где во время Крымской войны хоронили защитников Севастополя

– Это старое военное кладбище. Здесь во время той обороны Севастополя хоронили защитников города. Погибших везли на яликах от Графской пристани через бухту и закапывали в братскую могилу, – поясняет наш провожатый.

Мы оставляем слева Памятник затопленным кораблям, справа – артиллерийские форты и выходим в море. Над волною летают чайки и бакланы, а на воде покачиваются... три утки.

– Кого только в море не встретишь, – улыбаясь, лениво говорит матрос в оранжевой робе.

Этих матросов двое, один постарше, другой помоложе. Их работа заключается в швартовке. Выполняют ее они не спеша.

– Сколько веков существует судоходство, – замечает врач Олег Федоров, – а ничего лучше каната люди не придумали. И это при том, что за последние сто лет техника революционно шагнула вперед.

Мы швартуемся к «Челекену». Нас встречают рукопожатиями. Судовая команда относится к нам спокойно и дружелюбно. Первые два экипажа идут готовиться к тренировкам, а мы,

вновь прибывшие, идем в каюткомпанию на предварительный инструктаж.

– Постарайся записать все основные узлы циклограммы, – советует мне наш психолог Богдашевский.

Советы РБ я стараюсь выполнять. Впрочем, и без этого внимательно слушаю Сашу Германа и «подметаю» в тетрадь последовательность облачения в костюмы, особенности устройства скаффандра «Сокол», гидрокостюма «Форель», плавсредства «Нева».

Артиллерийский форт на выходе из бухты до сих пор смотрится решительно и сурово, словно напоминая о пролитой здесь русской крови

Прослушав лекцию, идем на палубу готовиться к стрельбам.

– Доброе ружьишко, – замечает Саня Самокутяев, осматривая трехствольный пистолет тульского производства с прищелкнутым к нему мачете-прикладом. – Надежное и удобное в руке.

Он первым встает на огневой рубеж, то есть к борту. Пластиковая бутылка, наполненная водой и привязанная веревкой, летит за борт. Бутылка плюхается в море и покачивается на волне. Саня прицеливается и попадает пулей из нижнего ствола прямо в доньшко. Потом переводит рычажок вверх, взводит оба курка и дуплетом бьет дробью из верхних стволов. Бутылка тонет. Поднимаем ее растерзанные останки, наполненные дробью.

– Подполковник Самокутяев стрельбу закончил, – говорит Саня командирским голосом, явно довольный результатом.

Дальше по бутылкам бьют Марк Серов, Сергей Рязанский, Сани Уилльямс, Джеффри Уилльямс (однофамильцы), я, Айдын Аимбетов и Мухтар Аймаханов. У всех получается неплохо.

– Ворошиловские стрелки собрались, понимаешь, – комментирует кто-то из инструкторов.

Нас зовут тренировать отделение от спускаемого аппарата. Одеваешь плавки, встаешь на бортик бассейна и валишься спиной назад. Напоминает мне игру, организованную Сергеем Поликановым и Димой Боринцом. Мы тогда по очереди падали со стола, установленного на трибуне, спиной на руки товарищей. Требуется доверие. Потом Дима повторил эту игру на моей фирме. Там один паренек так и не смог переступить психологический барьер...

А тем временем к выходу из аппарата готовится экипаж Антона Шкаплеро-

Океанографическое судно «Челекен» обеспечивает морские тренировки

«Спускаемый аппарат – на воду!»

«Космический интернационал». Инструктаж перед тренировкой проходят российские, казахские и американские космонавты

ва. Они провели внутри СА уже около двух часов. Все, кто свободен, собираются на юте и наблюдают. Вокруг оранжевого аппарата, опоясанного надувным поплавком, медленно кружат надувные лодки. В них сидят водолазы в черных «мокрых» гидрокостюмах, красиво облегающих тело. Здесь же врач, кинофотооператоры, руководитель смены.

– Водолазы – в воду! – прозвучала команда руководителя

сборов полковника Валерия Трунова.

Все оживились.

Отсюда, с юта, до спускаемого аппарата метров сто. Видно, как открылся люк и показалась голова космонавта в оранжевом шлеме гидрокombineзона. Это командир, он выходит первым. Антон поставил блок НАЗа на срез люка, подтянулся, сел на срез, выбросил блок на воду, медленно встал, придерживаясь руками за обрез люка и, падая спиной вперед, плюхнулся в воду. За ним показался второй, потом третий. Оказавшись в воде, члены экипажа сплылись ногами, образовав фигуру «звезда». Вокруг них

перемещались черные головы водолазов.

Через некоторое время мы увидели солнечный зайчик. Это означало, что командир раскрыл свой блок и извлек оттуда сигнальное зеркальце. После сегодняшнего инструктажа я знал, что экипажу предстоит проимитировать выход на связь с помощью радиостанции, которую космонавт собирает из передатчика, батареи и проволочной антенны. Это – мое дело. За бортинженером и космонав-

Тренировка на отделение от спускаемого аппарата проходят в бассейне

том-исследователем закреплена организация обеда. Нужно ввинтить мундштук в бак с водой, раскрыть пакеты с едой и, передавая все это друг другу, поесть и попить. Все манипуляции выполняются в резиновых рукавицах, сильно затрудняющих тонкую моторику. Но если снимешь рукавицы, потом не оденешь на мокрые руки. А сие уже грозит фатальным переохлаждением.

Судя по всему, с перечисленными задачами экипаж справился, потому что мы увидели оранжевый дым, а затем и яркий «ночной» огонь ПСНД. Это завершающее упражнение на воде. Экипаж и страхующая бригада понемногу удалялись от корабля. Их относил волной в направлении берега.

Тем временем спускаемый аппарат уже буксировали к кораблю, медленно выбирая трос. Чтобы аппарат не ударило о борт «Челюскина», инструктор Александр Харламов на надувной лодке усердно работал веслами. Маленькая лодка, подпрыгивая на волне, тянула за собой двухтонный СА посредством тонкого каната. Харламов, в шортах и спасательном жилете на волосатой груди, с боцманскими усами, был похож на дядьку Черномора.

— Все свободным приготовиться к встрече экипажа по левому борту!

Мы бросились туда. К боковому трапу подходила надувная лодка на моторе «Ветерок-12», за ручкой которого сидел Маленький

Панорама тренировочной акватории. Справа в лодке видеооператор, ближе к СА видны головы водолазов, изготовившихся подстраховать выходящего из аппарата космонавта

«Нужно ввинтить мундштук в бак с водой... и попить». Космонавт Сергей Волков, 2003 год

Экипаж Самокутяева: объятия перед загрузкой в аппарат...

собирался и четким командирским голосом докладывал о завершении очередного этапа. Вечером, после испытания, он был хмур и немногословен.

– Неспособен я сегодня на шумный отдых, – говорил он мне. – Пойдем, Сергей Саныч, поедим рыбки в одном достойном месте. И мы ели с ним форель в кафешке «Рим»...

Для второй смены вчера был день приезда. Вторая смена –

...и окончание тренировки: тянем-потянем!

Джон – Андрей Филипцев. Раскрасневшийся Антон Шкаплев что-то кричал и приветственно махал нам рукой. Толя Иванишин и Андрей Борисенко сидели спокойно и улыбались.

Спускаемый аппарат на палубе корабля, и это означает, что экипаж Самокутяева скоро приступит к короткой тренировке. Вчера им сильно досталось на высокой волне в ходе длинной тренировки. Волнение составляло 2,5–3 балла. Саня Самокутяев казалось, временами «выпадал в осадок». Но это только казалось. Когда наступал момент связи, он

собирался и четким командирским голосом докладывал о завершении очередного этапа. Вечером, после испытания, он был хмур и немногословен.

– Неспособен я сегодня на шумный отдых, – говорил он мне. – Пойдем, Сергей Саныч, поедим рыбки в одном достойном месте. И мы ели с ним форель в кафешке «Рим»...

Для второй смены вчера был день приезда. Вторая смена – это американские астронавты Сани Уилльямс и Джеффри Уилльямс, которые записаны в третий экипаж под руководством опытного инструктора Валерия Несмеянова. А также казахи и я – четвертый экипаж.

Джеффри – 46-летний полковник ВВС США, военный пилот, имеющий 2500 часов налета и около 400 парашютных прыжков (все прыжки были выполнены до поступления в отряд астронавтов НАСА). Он изначально пилот вертолета, а позже окончил школу «самолетных»

летчиков. Сделал шесть попыток по-пасть в отряд, прошел три интервью и, наконец, был принят. Слетал на Шаттле, теперь готовится к полету на «Союзе» и к работе в составе основной экспедиции на МКС. По возвращении с морских тренировок он будет сдавать экзамен по системам управления движением (СУД).

– Скоро меня могут представить на бригадного генерала, – говорит Джеффри. – Но для того чтобы стать генералом, я должен вернуться в армию. Я выбрал полеты.

Сани Уилльямс – спортсменка. В ее жилах течет индийская кровь. Стройная, гибкая с сильным молодым телом, в бассейне ЦПК она плавает, как катер, никто не может за ней угнаться.

Я прилетел с американцами, их врачом Эдом Пауэрсом и переводчиком Романом. Нас встретил Игорь Рудяев. Мы катили по равнине, разглядывали виноградники и слушали рассказы Игоря, водителя и сопровождающего офицера. Миллион лет назад здесь протекала великая река, мы ехали по ее дну.

– Поэтому и почва здесь такая плодородная, – сказал Игорь.

Местные клянут борьбу с пьянством, которая снесла почти все виноградники в Крыму. Беда эта случилась в середине восьмидесятых, вследствие недоброй памяти постановления ЦК КПСС.

– Здесь был селекционер, всю жизнь посвятивший выведению новых сортов винограда. Он покончил с собой, когда его труды были уничтожены.

...По вечерам все собираются в баре «Калипсо». Здесь шум, двадца-

Полковник Валерий Трунов, опынейший парашютист и «выживальщик», не одно десятилетие тренирует космонавтов

Лирическая пауза. Астронавт Сунита Уилльямс и начальник сборов космонавт Юрий Гидзенко

«Невероятные приключения» американцев в Севастополе: Сунита Уилльямс и Джеффри Уилльямс после тренировки. Слева – командир условного экипажа Валерий Несмеянов

нов, Крежановский, Терехов, Иванов – все знакомые, почти родные люди.

13 сентября

У доктора Олега Федорова 11-го был день рождения. Я поздравил его, а он – меня. Оба – Девы.

«Нас мало, но мы в тельняшках!»
Наши инструктора: Иван Терехов, Павел Крежановский, Сергей Лунин, Анатолий Забрусков и Борис Найденов

тилетние толкуются, нещадно курят, танцуют и ждут чего-то. Что-то должно прийти в их жизнь.

Толя Иванишин бродит по вечернему Севастополю в одиночестве, нагуливает аппетит и потом ест в ресторане «Трактир». Ужин из рыбы и сбитня обходится ему в 25–30 гривен. А рацион кают-компаний его не устраивает так же, как и меню летной столовой.

В составе команды руководства и обеспечения сборов Гидзенко, Рень, Трунов, Герман, Богдашевский, Филатов, Федоров, Фардзинов, Забрусков, Найденов,

Первый и второй экипажи вчера закончили тренировки и сегодня уезжают в Москву вечерним поездом. Толя Иванишин собирается в Инкерман затариться хорошим крымским вином.

На море штиль и солнце. Погода расслабляет. Моряки ловят рыбу, Айдын тоже. Инструктора режутся в домино на юте, в тенечке. Мы с Make (Мухтаром Аймахановым) «кемарим» в каюте. Прямо за нашим иллюминатором стоит человек с курчавой, тронутой сединой шевелюрой и бородой, похожий на Виктора Гюго в зрелые годы. Это Юра, старший

электрик «Челекена». Он выбрасывает ершей в море и выливает туда же густую кровь из пластикового таза. Увидев мой вопросительный взгляд, поясняет:

– На них попала кровь от лисы, в уху не годятся...

– На что ловите?

– На донку. Ерши – донная рыба, как и лиса, и камбала...

Крупного ската, в просторечии морскую лису, поймали вчера. Он шевелился на палубе, раскинув свои широкие треугольные крылья, и тяжело дышал, раскрывая круглый белый рот.

– Главное – не попасть под удар его хвоста, – сказал пожилой моряк.

Скат время от времени бил по палубе своим упругим хвостом. Круглые глаза его были полны страдания.

Моряк наступил обутой ногой на хвост ската, и отрезал его острым ножом. Крика не последовало: рыбы не умеют кричать. Но, казалось, импульс боли вспыхнул, как высокий звук, и растворился в пространстве. Через пятнадцать минут кончики плавников ската, прежде белые, приобрели фиолетовый оттенок. Его серое ромбовидное тело неподвижно лежало на палубе, сливаясь с выцветшей на солнце краской.

У нас сегодня сухая тренировка, а у третьего экипажа – кроме того, еще и короткая в скафандрах. Хочется попробовать все это самому. Поначалу любое испытание немного страшит. У меня это начинается недели за три. Настраиваешься, крутишь в голове «мультишки». А по мере приближения к событию страх понемногу уходит и возникает, наконец, желание войти в эту реку.

...Нас приглашает психолог. Знакомые секундомер и динамометр.

«Ну-ка чайка, отвечай-ка,
Друг ты или нет?»

В минуты отдыха: волнующий
момент охоты на морскую лису

– Сами поиграйте, ребята, понастраивайтесь, – дружелюбно улыбается Богдашевский. – Вы уже все знаете.

Отсчитываю время, включая и выключая секундомер. Получается 9,5 секунд, 19,5 и 31,5 секунды против заданных 10, 20 и 30 соответственно. Если останавливаешь секундомер раньше заданного времени, значит, ты возбужден, твои внутренние часы крутятся быстрее, чем надо. Если позже – заторможен, надо проснуться.

На динамометре разброс показаний выше. Там надо было не глядя выжать 10, 40 и 20 килограммов каждой рукой. Левая у меня хуже чувствует тонкую градацию силы.

– Делай 20 кг, пока не попадешь, – советует Богдашевский.

Почти сразу я попадаю в допуск. У ребят тоже получается.

– А ну-ка, Сережа, встань в позу ласточки... Чего не улыбаешься?

Стадии помывки:
сначала на палубе смывается морская вода со скафандра, а потом в матросском душе – трудовой пот

Улыбаюсь.

– А анекдот можешь рассказать?

Травлю короткий анекдот и продолжаю стоять так долго, что Ростиславу Борисовичу надо едет.

– Готов! А теперь ты, Айдын. Дай чего-нибудь свеженького!

Айдын стоит спокойно, рассказывает анекдоты и демонстрирует несокрушимое душевное здоровье.

– Скала!.. Ну вот, ребята, вы и настроились, – улыбаясь, говорит Богдашевский. – За год вы здорово изменились к лучшему, как и весь ваш набор. Научились владеть собой, тоньше чувствуете свое тело. Оно становится вашим рабочим инструментом. Все, что теперь требуется, это помощь друг другу. И не спешите, старайтесь пройти испытание не на максимуме, а на оптимуме.

14 сентября

Жарко. Солнце печет. На юте все занимаются рыбной ловлей. Здесь, на глубине 45–50 метров, ловится пикша и ставрида.

У борта за удочкой собрались не только мужчины, но и женщины. Смотрят в воду, насыщенную небольшими медузами, раскручивают катушку с леской, время от времени вытаскивают небольшую ставридку.

Вдалеке на волне покачиваются американцы с Валерой Несмеяновым. Ветер относит от них оранжевый дым ПСНД. Сейчас они запалили яркий ночной огонь. Скоро соберутся в тандем и поплывут.

Сегодня была длинная тренировка у третьего и четвертого экипажей.

Мы плыли как гребная академическая лодка. Маке, который шел третьим, командовал, и все мы втроем мерно взмахивали руками и гребли. Скорость развивалась приличная.

Затем прозвучала команда: «Эвакуация!». Можно расслабиться. Водолазы подталкивают к лодке.

– Раз, два, взяли! – и крепкие руки втягивают тебя в надувную лодку.

Садимся по бортам, берем в руки капроновую веревку. Маленький Джон заводит мотор, берет в руку красный шнур руля, и – поехали!

У Анатолия Михайловича Панкратова на посту все готово для следующей тренировки. Его пост называется «подготовка снаряжения и комплектовующих НАЗа». Здесь готовят к работе скафандры, «Форели», гидрокостюмы водолазов. Здесь же космонавты надевают скафандры и раздеваются после тренировки. При этом верхняя

На посту подготовки снаряжения: важно не только правильно надеть скафандр, но и не забыть существенные детали экипировки

Космонавты тоже люди и не гарантированы от укачивания. Тогда остается воспользоваться пакетом, подобным тем, что выдают на рейсах гражданской авиации

«Семь одежек выживальщика»: под прорезиненной тканью гидрокостюма «Форель» надето белье, теплый шерстяной костюм и утепленная верхняя одежда (куртка и комбинезон). Всё это облачение позволяет довольно долго продержаться в холодной морской воде.
Справа – врач Николай Филатов

«Короткая» тренировка: загрузка космонавта в спускаемый аппарат

одежда – скафандры или «Форели», в зависимости от вида тренировки, – снимаются сразу же на палубе, после душа, которым эта одежда обдается, чтобы смыть морскую воду.

Еще есть пост связи, медицинский пункт, обслуживание спускаемого аппарата, еще кран, плавсредства... Хозяйство приличное.

Уместно вспомнить слова Виктора Реня. Многие, говорил он, считают, будто тренировки на выживание вообще не нужны космонавтам. Но полет Бударина показал, что эти тренировки очень нужны.

За день испортили три «Форели».

15 сентября

Сегодня у нас была короткая тренировка. Вчера, когда экипаж № 3 покинул спускаемый аппарат, последний в штатном режиме эвакуировали на корабль. Однако при подъеме на борт сломался кран. СА повело и дважды ударило о поручни. Это вызвало сильное беспокойство. Аппарат наддули и выяснили, что с герметичностью все в порядке. Тем не менее, «Челекен» снялся с якоря и пошел в порт. Надо было установить, что с краном. Там состоялись совещания специалистов. Кран, кажется, починили, но теперь нужно его заново сертифицировать. В условиях сжатого времени, отпущенного на сборы, было решено тренировки продолжить, но спускать аппарат с корабля пустым, без экипажа.

«Челекен» вышел в море только в полдень. После прибытия на рейд состоялась обычная подготовка: консультации Германа, медосмотр, настройка психолога (секундомер, динамо-

метр, Люшер, анкета), итоговый инструктор Трунова, одевание. После каждой тренировки мы разживаемся новым комплектом белья.

Аппарат спустили отдельно, а нас посадили в надувную лодку «Орион 25» и повезли к нему. По одному, страхуя, помогли подняться на поплавок и сопроводили внутрь СА. Закрыли люк. Мы снова покачивались на волне внутри нашего космического дома.

Нас отбуксировали на рабочее расстояние. Ай включил два тумблера на БРУСе (блоке ручного управления спускаемым аппаратом), Мухтар – вентиляцию скафандров. Мы подсоединили к скафандрам вентиляционные шланги и стали работать по циклограмме.

Я проверил работу трех систем: открытие заслонок воздушной вентиляции, включенность вентилятора ХСА (холодильно-сушильного агрегата), вентиляции скафандров. Доложил о готовности к тренировке по штатной связи. Бортинженер и космонавт-исследователь по очереди доложили о работе резервных радиостанций.

Продумываем все, что нужно сделать.

Готовим «Невы», которые уже подогнаны под наши размеры на посту Панкратова. Здесь остается их обернуть вокруг пояса, застегнуть как ремень и еще растяжки пристегнуть в трех местах за кольца скафандра. Вытаскиваем НАЗы; каждый член экипажа должен пристегнуть свой блок НАЗа к подъемному стропу плавсредства. Расчекываем прорезиненный воротничок скафандра и затягиваем вокруг шеи, чтобы в скафандр не залилась вода. Впрочем, зачем эта предосторожность, если скафандр при попадании в воду почти

Инструктор и врач – Харламов и Богдашевский

«Спасательный круг, на тебя одна надежда, мой друг...»
Если поплавки не надулись от сжатого газа, космонавт может наполнить их воздухом из своих легких

Командир экипажа привычно запалил сигнальный патрон

Пооперационно докладываю на главный пост. Об этом просил Трунов. Несмотря на то, что время от аварийной команды до покидания СА экипажем должно исчисляться минутами, важно, чтобы водолазы не мерзли лишнее время. Когда я доложу, что экипаж к выходу готов, они должны уже ждать нас в воде.

...Открываю люк. В «шарик» проникает ласковый луч солнца. Встаю на спинку кресла, при этом моя голова уже на свежем воздухе. Начинаю проговаривать свои действия вслух:

– Ставлю блок НАЗа на обрез люка... Подтягиваюсь и сажусь на обрез...Оцениваю направление течения, оглядываюсь, чтобы не попасть в водолаза...

Голова в черном гидрокапюшоне покачивается правее, давая мне пространство.

– Выбрасываю блок НАЗа... (он шлепается в воду с негромким всплеском).

Плывем как гребная академическая лодка. Скорость приличная

мгновенно промокает?! (Думаю, что «боевой» скафандр не так водопроницаем.)

Остается надеть и пристегнуть перчатки скафандра.

Звучит команда:

– На борту спускаемого аппарата авария!

Отвечаю:

– Вас понял. Готовимся к аварийному покиданию.

Теперь уже практически выполняем описанные выше операции.

– Поправляю поплавки «Невы», прикрываю щиток гермошлема... Встаю на обрез люка... (стараюсь при этом ставить ноги широко, а руками придерживаться. Он круглый, ноги съезжаются, получается расстояние между ступнями примерно в 30 см).

– Берусь правой рукой за бобышку «Невы», взгляд влево... (при этом вижу, что бобышка слева спряталась за висящими шланга-

ми скафандра, поэтому меняю руку и берусь за левую бобышку с тем, чтобы правую поймать в падении. На этой перемене рук и поворотах головы теряю секунды три).

– Отделяюсь... (начинаю падать спиной назад, держу ноги расслабленными, чтобы не оттолкнуться от аппарата. Получается).

Не получается другое. В падении, как и положено по инструкции, дергаю бобышки «Невы», а они не взводятся! В следующее мгновение я вхожу спиной в воду и ухожу под нее, неглубоко, потому что начинаю работать ногами, а водолаз меня ловит и поддерживает.

Дергаю еще несколько раз за обе бобышки. Кричу водолазу:

– Они не открываются!

Берусь за левую бобышку, прилагаю значительные усилия. Ничего. За правую. Кажется, сжатый газ начинает потихоньку травиться в поплавок, но без хлопка.

Водолаз советует:

– Надуй!

Отплываю от СА, чтобы не мешать товарищам. Распечатываю, чуть ли не разрываю, упаковку поплавка, нахожу с помощью водолаза шланг наддува и наполняю воздухом левый поплавок. Потом правый. Замечаю, что левый поплавок сдувается. Травит так, что слышно.

Все эти манипуляции делаются весело, без паники. Замечаю, что скафандр совершенно промок. Вода теплая, светит солнышко, плавать комфортно. У ребят, кажется, все в порядке.

Меня уже зовут в тандем. Кое-как соединяю поплавки, при этом замечаю, что правый поплавок лег у меня неправильно, ворсовкой назад. Я переворачиваю его, связываю ворсовку.

Морские тренировки – дело серьезное и многолюдное

Мухтар подплывает ко мне, к ногам. Вторым должен был плыть Айдын. Но вот он, фактор реальной обстановки! Придерживаю поплавки левой рукой, потому что не успел перецепить притяг.

– Серега, подбери свой НАЗ! – кричит Мухтар.

Верно! Выбираю фал НАЗа, укладываю его на груди, туда же помещаю и сам блок. Придерживаю все это левой рукой и даю указание:

– Поплыли! Make, командуй!

Мухтар командует громко, по-гвардейски:

– И раз! И два! И три!

Слышно даже на корабле, потом Трунов его похвалил.

Я греб по понятной причине только правой рукой. Когда по команде Германа мы остановились, я все-таки перецепил притяг. Теперь поплавки были зафиксированы у меня на груди.

По нашей просьбе нам выдали ПСНД. Мы втроем сплылись в звезду и по очереди запалили патрон, эффектно позируя перед кино- и фотокамерами. Оглядевшись, я увидел, что нас опекают три лодки и бригада водолазов. Герман дает команду: «Эвакуация!». Можно расслабиться...

Проходим установленные процедуры: горячий душ, психолог, врач. Наши температура, давление и частота сердечных сокращений практически не изменились. Потери веса тоже почти никакой. Во время короткой тренировки много не потеешь.

...Голубизна неба к западу, то есть, от города, постепенно светлеет, переходит в почти белый цвет, затем начинает насыщаться желтым и, наконец, оранжевым свечением, концентрируясь в до-

вольно большой круг на краю моря. Это наше светило, Солнце, Ярило, провожает уходящий вслед за ним день. А на берегу уже кое-где зажглись электрические огни. Их, минута за минутой, становится все больше. Огни мерцают, словно говоря моряку, что берег, дом и ночь совсем не так уж плохи. И посреди этих двух ипостасей – уходящего дня и наступающей ночи – мы движемся под голу-

бым небом по синему Черному морю, словно по тонкой невидимой ленте, и ощущаем покой и торжественность в наших душах. И стараемся запечатлеть, задержать этот удивительный миг с помощью фото- и кинокамер. А я впитываю его всей своей жадной душой, чтобы запомнить, осознать и передать людям.

1 октября. Виктор Рень

Если бы меня спросили о наиболее колоритных и значительных фигурах здесь, в Звездном, я назвал бы Виктора Алексеевича Реня среди первых.

...Майское утро 1990 года, автобус у старой «Орбиты». Подвижной, крепко сбитый офицер поторапливает собравшихся на сборы:

– Быстрее, ребята. Садимся, скоро отъезжаем.

Он весел и спокоен, шутит, и журналисты, которых трясет дрожь от одной мысли о парашютных прыжках, тоже потихонечку успокаиваются.

...Гостиница в Коктебеле, очень простая и советская, полутемный коридор, в холле разложен парашют.

– Тренируй укладку, Серёня, завтра прыгнешь.

...Поле, усеянное маками. Посреди него Рень, быстрыми, горячими движениями собирающий парашют.

– Молодец, что не сдрейфил!

Он только что «возил» меня с Анкиновичем на первое свободное падение в моей жизни. Дернув кольцо (сам!), я успел увидеть, как внизу, справа и слева вспыхнули два бежевых пятна, это раскрыли парашюты мои инструктора.

...Крымский лес, брезентовый стол с нехитрой закуской и светлым вином в трехлитровых банках. Нас принимают местные десантники, которые к Реню относятся с большим почтением.

*Асы. Старые трико,
Запах местного алко...*

Он прыгал и прыгал. Однажды вышел из строя основной парашют, а запасной долго не удавалось раскрыть. Тело командира камнем шло к земле и скрылось

Виктор Рень (слева) и Николай Анкинович (справа) инструктируют новичка перед затыжным прыжком. 1991 год